

Представления о благотворительности в русской культуре переходного времени

До событий октября 1917 г. благотворительность была в России одной из культурных норм не только аристократии и промышленной буржуазии, но и зажиточных слоёв рядового населения как в столице, так и в провинции: купечества, мещанства, состоятельного крестьянства. Пожертвования на храмы, подавание нищим, гостинцы сиротам и тюремным узникам — неотъемлемая часть поведения «благочестивого россиянина» XVIII — начала XX вв., неоднократно описанного в художественной литературе и этнографических трудах. с. 49

Истоки этой массовой культурной и религиозной традиции до сих пор почти не изучены. Помимо идеологических причин исследованию этой сферы духовной жизни препятствует сложность интерпретации источников. Как правило, это не актёрский материал, а богослужебные и обиходные книги храмов и монастырей: синодики, вкладные книги, описи церковного имущества. В силу их специфических особенностей — свободного порядка и формы записей, сложности датировок — эти источники долгое время в науке недооценивались. Одна из главных задач данной публикации — продемонстрировать возможности использования одного из видов этих памятников (а именно синодиков) в исследовании ранней истории традиции благотворительности в России.

В целом, работа посвящена изучению представлений авторов синодичных предисловий и их читателей о «благотворительности» и является частью комплексного историко-культурного исследования лицевых синодиков и иллюстрирующих их миниатюр. Автором учтено более 30 лицевых синодиков и аналогичных им по содержанию рукописных книг XVII — первой половины XVIII вв. как московского, так и провинциального происхождения из собраний Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова Великого, Переславля-Залесского.

Духовные основы благотворительности как повседневной формы выражения православного благочестия сформировались ещё в древнерусский период.¹ Но только на рубеже Нового времени, в конце XVI — XVII вв. они были «кодифицированы» в виде некоего, довольно громоздкого, перечня «праведных поступков» со ссылками на «древние предания» и сочинения византийских богословов. В этом сказалось стремление культуры позднего Средневековья к универсальности и энциклопедичности знания о том или ином предмете и количественным показателям как выражению качества суждений.²

Основным источником знаний о нормах благочестивого поведения в этот период становятся синодики — рукописные, а позже и гравированные книги для записи имён в целях церковного поминания во время богослужения.³ В Древней Руси синодики-помянники появились, вероятно, ещё в домонгольское время,⁴ а древнейший список русской редакции с. 50

* Сукина, Л. Б. Представления о благотворительности в русской культуре переходного времени (на материале лицевых синодиков XVII — первой половины XVIII вв.) / Л. Б. Сукина // Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. 2002. — СПб.: Лики России, 2003. — С. 49—63.

¹ Этот вопрос нуждается в отдельном исследовании, выходящем за рамки данной работы.

² Чёрная, Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л. А. Чёрная. — М., 1999. — С. 155—172.

³ О назначении и типологии синодика подробнее см.: Поньрко, Н. В. Синодик / Н. В. Поньрко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1989. — Вып. 2, ч. 2. — С. 339—344. Там же приведена библиография вопроса.

⁴ Полное собрание русских летописей. — Л., 1926. — Т. 1: Лаврентьевская летопись. — Стлб. 283. — Под 1108 г. помещено известие о внесении в синодик имени святого Феодосия Печерского.

догматического предисловия к поминальной части — Чина православия — датируется концом XIV — началом XV вв.¹ Самой поздней, преимущественно русской по происхождению, частью синодичной триады является литературный сборник, который сложился в конце XV в. и первоначальную редакцию которого связывают с именем и литературно-публицистической деятельностью Иосифа Волоцкого.² Наибольшее распространение синодик-сборник получил в XVII столетии, когда он служил уже не только литургическим целям, но и входил в традиционный круг домашнего нравственно-учительного чтения.³

XVII в. был временем расцвета синодика как памятника русской книжности. В этот период он приобрёл законченную форму многофункциональной позднесредневековой книги. В синодике многие специалисты, начиная с исследователей XIX в., видят аналогию таким западноевропейским народным книгам, как «Искусство умирать» или «Смертные муки».⁴ Наши собственные наблюдения, сделанные на основе вкладных и владельческих записей на известных нам рукописях синодиков, позволяют утверждать, что синодики в это время бытовали как в царских и боярских книгохранилищах, так и в домах зажиточных крестьян и жителей городского посада, широко использовались в богослужебной и проповеднической практике монастырских и приходских храмов.

Перечню имён поминаемых предшествовало обычно обширное литературное предисловие, составленное из десятков текстовых фрагментов, разъясняющих содержание и назначение книги. Л. А. Чёрная указывает, что традиция «множественных» предисловий была объяснена Герасимом Смотрицким в «предупреждении» к печатной «Острожской Библии» 1581 г. как необходимость подготовить читателя к восприятию книги, сравнивая жанр предисловий с «вратами в град», которых тем больше, чем прочнее, богаче и славнее возделенная крепость.⁵

В состав литературного предисловия синодиков включались статьи о необходимости церковного поминания усопших (со ссылками на Священное Писание и труды Отцов церкви), о судьбе души и тела после смерти, выдержки из космографий календарного характера, Чин на разлучение души от тела из Требника, Прение живота и смерти, Беседы римского папы Григория Двоеслова, отрывки из Прологов и Патериков, житийных повестей, «Стословца» Геннадия, Измарагда, Слова Палладия Мниха о втором пришествии и о Страшном суде, Последования погребению. Для синодиков конца XVII — начала XVIII вв. источниками текстов нередко служили «Великое зеркало», «Звезда пресветлая», «Небо новое» Иоанникия Галятовского, сочинения Симеона Полоцкого, поэтому в поздних синодиках нередки стихотворные предисловия.⁶

Богатый нравоучительными сюжетами текст идеально подходил для иллюстрирования. Неудивительно, что среди сохранившихся синодиков XVII — начала XVIII вв. примерно четверть составляют лицевые памятники. Сохранившиеся иллюстрированные синодики по своим художественным качествам неравноценны. Эта книга представляла значительный духовный интерес для русского человека «переходного» времени и поэтому пользовалась большим спросом. Перепиской и иллюстрированием синодиков сборников занимались писцы и художники в столице и провинции. Многие зависело от назначения книги и материальных возможностей заказчика. Вкладные рукописи, предназначавшиеся для соборных городских храмов и крупных монастырей, украшались именитыми мастерами, их иллюстрации при-

с. 51

В знаменитом Любецком синодике прослеживаются записи XI—XIII вв. См.: Зотов, Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время / Р. В. Зотов. — СПб., 1892.

¹ Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895. — С. III—IV.

² Дергачёва, И. В. К литературной истории древнерусского синодика XV—XVII вв. / И. В. Дергачёва // Литература Древней Руси. Источниковедение. — Л., 1988. — С. 66.

³ Там же. — С. 63—76.

⁴ Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. — СПб., 1861. — Т. 1. — С. 622.

Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895. — С. 84—88. И другие.

⁵ Чёрная, Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л. А. Чёрная. — М., 1999. — С. 157.

⁶ Подробнее о литературном составе синодичных предисловий см.: Дергачёва, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика) / И. В. Дергачёва. — Мюнхен, 1990.

надлежали к числу лучших произведений книжной миниатюры своей эпохи. Миниатюры «рядовых» рукописей ближе к художественному ремеслу, чем к искусству.¹

Нельзя согласиться с мнением А. И. Успенского, который считал, что миниатюристы были свободны в живописном толковании текста, изображая его содержание «по силе своего вдохновения».² Иллюстрации лицевого синодика из-за краткости текстовых фрагментов предисловия имели большое значение для понимания читателем истинного содержания повествования, уточняя его, конкретизируя и дополняя за счёт пояснительных надписей к изображению.

Главный смысл предисловий синодиков состоит в обосновании необходимости соблюдения норм благочестия для обеспечения душе райского блаженства после смерти. Эта тема была особенно актуальной в связи с обострением в XVII в. эсхатологических ожиданий, подтверждаемых реальными историческими событиями времени реформ, церковного раскола, внешних военных столкновений и внутренних конфликтов в стране.

Само понятие высшего блага как восстановления райского общения с Богом в будущей бесконечной жизни³ тесно связано для православного с основной идеей синодика. С этим определением блага согласуются представления о благочестии и благотворительности. Благочестие в традиционной православной культуре — это, в первую очередь, стремление к тому, чтобы в ожидании вечной жизни после смерти «образ и подобие» Бога восторжествовали в человеке над его греховной природой. А благотворительность понималась как одно из проявлений христианской любви в виде поддержки ближнему, терпящему духовную или телесную нужду.⁴

Для человека, стремящегося к благой жизни, синодик служил сборником незыблемых правил жизни по «образу и подобию Божию» и предупреждений о последствиях пренебрежения «благом». Смысл и значение синодика с литературным предисловием для рядового читателя хорошо выражает запись, сделанная в декабре 1829 г. неким Иваном Васильевичем Сухановым на полях книги конца XVII в.:

Душа моя и тело в руках Господних, егда добро сотворит на земли, а в будущей жизни получит сие неоцененное и вечное райское блаженство небеси! О! Душе моя! Зри великолепный сей портрет небеснаго, вечнаго блаженства, и берегись злоковарных поступков.⁵

Одним из излюбленных сюжетов синодичных предисловий была притча «Душа чистая», нередко сопровождавшаяся миниатюрой. Во всех известных нам случаях художники буквально иллюстрируют литературный текст:

Душа чистая яко девица преукрашенная стоит выше солнца и луна под ногами ея, на главе своей царский венец. Стоит перед Богом и молится, а молитва у неё изо уст восходит на небо, слезами камень огненный погаси, и терпение греховное потреби, постом льва связа, смиренным змья укроти. Ненавистник дьявол паде на землю яко кот, не могий терпети доброты ея.⁶

Выраженный в этом текстовом фрагменте идеал христианской нравственности и чистоты изображался в виде прекрасной юной царевны в богатой одежде и в окружении описанных символов. Высокое художественное качество изображений (как правило, эту миниатюру выполняли лучшие мастера артели, украшавшей рукопись) подчёркивает значимость образа

с. 52

¹Подробнее о принципах и методах иллюстрирования синодиков см.: Сукина, Л. Б. К вопросу о методах работы древнерусских миниатюристов XVII века / Л. Б. Сукина // Из творческого опыта русского искусства XVII—XX веков. — СПб., 1994. — С. 3—8.

Сукина, Л. Б. Очерковые миниатюры русских рукописных Апокалипсисов и Синодиков второй половины XVII века: Автореферат диссертации кандидата культурологии / Л. Б. Сукина. — М., 1998.

²Успенский, А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века / А. И. Успенский // Записки Московского Археологического института. — М., 1914. — Т. 32. — С. 15.

³Полный православный богословский энциклопедический словарь. — СПб., 1912. — Т. 1. — Стлб. 331—332.

⁴Там же. — Стлб. 339—340, 341—342.

⁵Цитируем по изданию: Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. — СПб., 1861. — Т. 1. — С. 626.

⁶Синодик церкви с. Шендоры Ростовского уезда. Вторая половина XVII в. // Музей-заповедник «Ростовский кремль». Р-10.

«девства» как символа душевной чистоты в религиозной культуре XVII в. Аллегии души праведника помещались не только в рукописных синодиках, но и украшали царские покои (например, Крестовую палату царевны Софьи Алексеевны), встречались на иконах.¹

Но, как явствует из большинства текстов, далеко не каждый человек, в силу различных жизненных обстоятельств и несовершенства своей натуры, способен избежать соблазнов и «злоковарных поступков» и соблюдать душу в девственной чистоте. Особенно это касается представителей тех социальных слоёв, чья жизнь связана с исполнением административных функций, торговлей, прибыльным ремеслом, ростовщичеством, использованием чужого труда. Даже вера и молитва неспособны оградить их от неминуемого наказания за несправедливый образ жизни.

Особенному осуждению в синодике подвергаются богатство и скупость: в «Повести о посаднике Щиле», «Притче о бедном Лазаре», «Повести об Ионе», «Притче святого Варлаама о печали житейской» и других. Оно восходит к евангельской традиции, издревле чтимой на Руси: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 19–21).²

«Пагубное богатство» называется первым из врагов человека в «Повести о человеке, имяшем три друга». Богатый «немилостлив», прожигает свою жизнь в пирах и празднествах (их изображения занимают значительное место среди циклов синодичных миниатюр) и не замечает неимущих, которые докучают ему просьбами о помощи. Расплата за такое нарушение норм благочестия — адские муки.

Синодик, видимо, не случайно получил в поздней книгописной традиции другое наименование — «Лекарство душевное»,³ ибо он содержит не только поучения, но и указывает на пути спасения «заблудших душ». Главный из них — «благотворительность» в тех формах, которые были возможны в условиях позднесредневекового жизненного уклада. Благотворителем мог выступать как сам спасаемый, так и его наследники, раздающие несправедливо нажитое имущество и тем самым «выкупающие» душу близкого человека из «геенны огненной». «Благой поступок» искупал самые серьезные грехи, принадлежащие к числу семи смертных.

Особой любовью у составителей синодичных предисловий и их иллюстраторов пользовалось литературное произведение русского происхождения — новгородское сказание о посаднике Щиле. Вероятно, оно привлекало «реальностью» персонажа и мотивации его поступков. «Повесть о Щиле» включалась почти во все синодичные предисловия, известны и отдельные её списки, в том числе лицевые.⁴

По предположению Н. И. Костомарова, Олоний (Леонтий) Шил, или Шил, в начале XIV в. был посадником в Новгороде и занимался ростовщичеством. На скопленное «несправедное богатство» он, мучимый угрызениями совести, решил построить монастырь во имя Покрова Богородицы. Но новгородский архиепископ отказался от освящения главного монастырского храма и, согласно преданию, назначил Щилу наказание: отпеть себя заживо во вновь построенной церкви. Во время обряда гроб с телом Щилы провалился в преисподнюю и возвратился только после сорокоуста в сорока церквях Новгорода и раздачи сыном несчастного ростовщика отцовского наследства в виде милостыни всем нуждающимся. Посадник, испытавший муки ада, получил отпущение грехов и был похоронен по православному обряду. Щилов Покровский мужской монастырь был известен до 1725 г. и находился недалеко от Новгорода в урочище Дубенки (Дубно) на правом берегу Волхова.⁵

с. 53

¹ Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. (репринтное издание) / И. Е. Забелин. — М., 2000. — Т. 1, ч. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. — С. 194; примечание на с. 194.

² Здесь у нас разночтение с авторским текстом. Л. Б. Сукина цитирует Матфея с ошибками, а мы исправили цитату. — *Ред.*

³ Одна из рукописей конца XVII в. имеет название: «Лекарство душевное воспоминание смертное сиречь синодик. Повести зело душеполезны суть. Избраны древних святых мужей, трудившихся бога ради, царствия ради небесного и своего ради спасения» // РГАДА. Ф. 181. Ед. хр. 597.

⁴ См., например: Сказание о посаднике Щиле конца XVII в. // РНБ. Отдел рукописей. ОЛДП. Q. 134.

⁵ Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н. И. Костомарова. — СПб., 1860. — Вып. 1.

Титов, А. А. Повесть о Щиле (Новгородское сказание) / А. А. Титов. — М., 1911.

Сказание о Щиле обильно иллюстрировалось: каждый поворот сюжета удостаивался отдельной миниатюры, а то и нескольких. Самые сложные сюжетные ходы сопровождалась миниатюрой, в которой совмещалось несколько последовательных эпизодов (обычно действия сына Щила, замаливающего отцовские грехи). Возможно, таким образом составители синодиков хотели подчеркнуть нравоучительную ценность этого Сказания для русского человека — своего современника.

Щилова легенда близка к некоторым древнерусским житиям XIV—XV вв., в которых будущий святой проходил тот же путь: грех — раскаяние — добровольные муки — прощение. Например, к «Житию» переславского мытаря Никиты — одному из самых распространённых в древнерусской письменности.¹ Это свидетельствует о древности представлений о благочестии и благотворительности, отразившихся в предисловиях синодиков.

Согласно синодику, первый пример истинной жертвенной благотворительности подал человечеству Христос, спасший человечество от первородного греха. Неслучайно в предисловиях большое внимание уделяется толкованию смысла Евхаристии, и её каноническое изображение «Таинство евхаристии» часто встречается на миниатюрах. Другой важный сюжет — «Воскресение» — «Сошествие во Ад», тесно связанный со смыслом жертвы Христа. Изображения Христа нередко включены в композиции других миниатюр со сценами «благих жертв», подчёркивая прямую связь земной благотворительности с высшей жертвенностью Бога.

В поминальной части синодиков, содержащей записи родов церковных и монастырских вкладчиков, нередко встречается и само понятие «благотворитель» и его синонимы: «милостник», «доброхотный датель», «жертвователь». Таким образом, благотворительность рассматривается составителями синодиков в духе христианского вероучения как милостыня или добровольное жертвование имущества во имя благочестивого дела, что свидетельствует о представлениях общества того времени.

Земным примером благотворительности выступают князья и святые. В синодиках встречаются изображения «Древа русских князей». Одна из наиболее известных миниатюр — лист с царским родословием из лицевого синодика середины XVII в., по преданию, писанного царевной Татьяной Михайловной для Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.² На макушке родословного древа — родоначальник династии православных правителей Руси Владимир Святой в византийском императорском венце. По левую и правую сторону кроны изображены 30 великих князей. Великие князья киевские, владимирские и московские — в парадных русских одеждах, принявшие перед кончиной монашеский постриг — в схимах, цари Михаил Фёдорович, Алексей Михайлович и Фёдор Алексеевич — в царских облачениях и коронах. Судя по изображению царя Фёдора Алексеевича, эта миниатюра была вшита в синодик после 1675 г.

Царский дом XVI—XVII вв. в соответствии с идеалом домашнего мироустройства допетровского времени был уподоблен монастырю, особенно это касалось женской его половины. И. Е. Забелин считал, что молитва и милостыня были исключительной, единственной и достойной задачей жизни цариц и царевен.³ В своём благочестивом поведении женщины царского рода полагались на правило «Домостроя»:

И ты чадо — твори добрыя дела: Церковников и нищих, и маломожных, и бедных, и скорбных и странных пришельцев призывай в дом свой, и по силе накорми и напои и согрей; и милостыню давай, от своих праведных трудов, и в дому, и в торгу, и на пути... Чадо!! Люби мнишеский чин, и страннии пришелцы всегда бы в дому твоём питались; и в монастыри с милостынею и с кормлею приходи; и в темницах и убогих и больных посети и милостыню по силе давай». ⁴

¹ Ключевский, В. О. Древнерусские жития как исторический источник / В. О. Ключевский. — М., 1871. — С. 43—50.

² ГИМ, отдел рукописей. Воскресенское собрание. № 66. Миниатюра опубликована: Собрание памятников церковной старины в ознаменование трёхсотлетия царствования дома Романовых. Каталогный № 97. Автор каталога А. И. Реченский указывает, что в монастырских описях 1685 и 1706 гг. рукопись значится как «Синодик благоверной царевны великой княжны Татьяны Михайловны с 25 картинами ея собственной работы».

³ Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. (репринтное издание) / И. Е. Забелин. — М., 2001. — Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. — С. 295—296.

⁴ Там же.

Таким образом, царицы и царевны, не будучи заняты повседневными делами правительствующих особ мужского пола — войной и политикой, принимали на себя заботу о душе своих близких и исполнение долга семейного благочестия и благотворительности, показывая пример не только приближенным, но и представителям других сословий.

Образом духовной чистоты и творения блага в земной жизни для христианина являются святые. Для составителей синодиков это не только Макарий Египетский, Василий Новый, Преподобные Феодора и игуменя Афанасия, значительные выдержки из житий которых, содержащие рассуждения о смерти и загробной судьбе человека, включены в предисловия многих рукописей, но и святые русской православной церкви. Их изображения и поминания включались в монастырские синодики для поддержания образа монашеского благочестия. Их персонификация зависит от конкретного монастыря, в котором используется синодик. Так, в синодик ярославского Спасского монастыря 1656 г., помимо родословного древа русских князей, вплетены листы с изображениями убитого в Угличе царевича Димитрия, князей Фёдора, Давида и Константина Ярославских.¹ Ярославские князья Ростиславичи, похороненные на территории монастыря, и Димитрий Угличский особо почитались в этой обители. Связанные своим происхождением с древними княжескими родами, они удостоились общерусской канонизации не за ратные или государственные заслуги, а благодаря своей вере, мученической кончине и ниспосланным за это посмертным чудесам «благотворения».

Синодик Троице-Сергиевой лавры, «построенный» в 1680 г. руководителем Оружейной палаты Московского Кремля боярином Богданом Матвеевичем Хитрово, открывается изображением в лист Сергия и Никона Радонежских.² Оба знаменитых лаврских святых были известны не только своим праведничеством, но и бескорыстной помощью ближним. Благотворительность преподобного Сергия распространялась даже на животных (вспомним легенду из «Жития» Сергия о медведе, кормившемся в келье святого).

Примеры влияния авторитета святости на будущих «милоственников» приводятся и в отрывках из нравоучительных сочинений Отцов церкви, включённых в литературное предисловие. Так, в «Притче о некоем человеке в Константинополе, раздающем на улицах милостыню нищим» говорится о том, что десятилетним мальчиком он увидел в церкви «старца святого», глаголящего о милостыне. В «Лекарстве душевном» конца XVII в. из собрания РГАДА этот текст сопровождает весьма красноречивая миниатюра.³

Важнейший объект благотворительности — русская православная церковь. Церковь земная — подобие церкви небесной, которая объединяет людей, скончавшихся в вере и святости. Они «уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу» (Ефес. 2, 19), так как «приступили... ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах... и к духам праведников, достигших совершенство» (Евр. 12, 22—24).⁴ Церковь святых на небе принимает живое участие в судьбе людей на земле своими молитвами и содействием к их спасению (Откров. 8, 3—4). Поддерживая церковь земную, люди способствуют процветанию церкви небесной.

В Чин православия синодиков включались прославляющие церковь фрагменты: апостольские деяния, рассказ о VII Вселенском соборе, рассуждения о смысле и результатах записи имён в помянник и произнесении священником молитвы за умерших. Эти сюжеты в тексте Чина, собственно говоря, и определяли основную тему синодика, то есть, по выражению Е. В. Петухова, «идею назидательную»⁵ о необходимости *церковной* молитвы за усопшего и жертвований в храм, а также своевременного *церковного* покаяния при жизни.

Идея церкви как Дома Божиего нашла отражение не только в тексте, но и в иллюстрациях догматического характера, предваряющих литературное предисловие синодиков.

¹Ярославский историко-архитектурный музей-заповедник. Инвентарный № 536. Л. 104 об.; 107 об.; 111 об.

²Олсуфьев, Ю. А. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры / Ю. А. Олсуфьев. — Сергиев Посад, 1921. — С. 81—82.

³РГАДА. Ф. 381. Ед. хр. 274.

⁴Здесь у нас разночтение с авторским текстом. Л. Б. Сукина цитирует Послание к Евреям с ошибками, а мы исправили цитату. — *Ред.*

⁵Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895. — С. 332.

Входной миниатюрой часто была так называемая «Новозаветная Троица» (изображение Бога Саваофа в виде старца и Иисуса Христа восседающими на престолах, и Духа Святого в образе парящего над ними голубя). Эта иконография была отвергнута Стоглавым собором. Московский собор вселенских патриархов 1667 г. также официально запретил иконописцам использование этой композиции:

Повелеваем убо отныне господа бога Саваофа образ впредь не писать в нелепых и неприличных видении, зане Саваофа (сиречь отца) никто не виде когда во плоти: отец бо не имать плоти.¹

(Современные богословы тоже видят в «Новозаветной Троице» нарушение идеи воплощения Первообраза, так как Бог Отец, согласно словам литургии Иоанна Златоуста, «неведом, невидим, непостижим», а Дух Святой каждый раз появляется в новом образе и не имеет единого изначального «лика».)² Но это обстоятельство не было препятствием для художников XVI—XVII вв. Они охотно использовали неканоническую, но уже ставшую традиционной иконографию, в доступных для простого зрителя образах толковавшую догмат Боговоплощения. Особенно популярной она была у мастеров фрески и миниатюры, так как эти виды искусства не имели, в отличие от иконы, литургического значения. Исследователи фрески видят в этой композиции образное воплощение идеи «Москва — Третий Рим», утверждения Москвы в качестве центра восточно-христианской церкви.³

Миниатюры с изображением Новозаветной Троицы в синодиках XVII в. иконографически близки фресковому росписям. Это очень простые и лаконичные, заключённые в круг композиции. К концу XVII — началу XVIII вв. происходит смена источников иконографии, ими становятся работы художников Гравировальной мастерской Оружейной палаты.

Близким по смыслу Новозаветной Троице был ещё один распространённый вариант входной миниатюры — «Царь царем», где в образе Царя небесного были воплощены все три ипостаси божества. Христос в царском венце восседает на престоле на фоне православного храма — символа Небесной церкви.

К концу XVII в. на первое место среди иллюстраций Чина православия выдвигается изображение «Собора апостолов в Сионе по вознесении Господнем на небеса» («Патриарх Иаков Брат Божий наставляет апостолов»), в композицию которого включается и «Новозаветная Троица», парящая в облаках. Собор апостолов символизировал церковное единение верующих.

с. 56

Важное значение в XVII в. православная церковь придавала борьбе с влиянием католицизма и протестантизма. Чин православия включал в себя фрагменты истории христианства до разделения его восточной и западной церквей, в первую очередь, эпизоды вселенских соборов. Одним из главных вопросов, по которому не сходились римская и греко-византийская церкви, было отношение к иконе: сакральному литургическому предмету для православных и живописной иллюстрации Священного писания для католиков. Протестантизм также тревожил русское духовенство идеями, напоминающими о временах иконоборчества. Поэтому большое место в тексте Чина православия и иллюстрациях отводится VII Вселенскому собору, восставшему против «ереси монофизитства» и дуализма иконоборцев и защищавшему иконописание, богословскую науку и «всякое знание и художество как дарованные Богом ради славы Его».⁴

Излюбленный сюжет синодичных предисловий, напоминающий о времени вселенских соборов — история еретика Оригена, — непосредственно подводит читателя к основной сути синодика. Ориген — великий христианский учёный, аскет и исповедник III в. был осуждён на V Вселенском соборе за свои крайние суждения о духе и плоти человека в стиле спиритуализма и «языческой» александрийской философии. Его идеи о начале мироздания,

¹ Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. — М., 1893. — Л. 22.

² Зинон. Икона в литургическом возрождении / Зинон, архимандрит // Памятники отечества. — 1992. — № 2—3. — С. 57—63.

³ Брюсова, В. Г. Композиция «Новозаветной Троицы» в стенописи Успенского собора (к вопросу о содержании наружных росписей) / В. Г. Брюсова // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. — М., 1985. — Там же приведена обширная библиография вопроса.

⁴ Цитируем по изданию: Карташев, А. В. Вселенские соборы / А. В. Карташев. — М., 1994. — С. 499.

о переселении душ, о предсуществовании души человека до его физического рождения заметно отличались от традиционных патристических толкований догмата о душе и теле. Тем не менее, они ещё долго имели влияние в монашеской среде, и потому антиоригеновская тема особо подчёркивалась в синодиках, предназначенных для монастырских храмов.

Синодики, а тем более их иллюстрации, не освещают суть учения Оригена, а сосредотачиваются непосредственно на его осуждении и утверждении идеи необходимости церковного поминовения. Сюжеты литературного текста и миниатюр имеют при этом довольно отдалённое отношение к подлинным событиям жизни учёного богослова. Обычно иллюстрируются эпизоды: Ориген-еретик отрицает пользу синодика; Евсевий-епископ отлучает от церкви и проклинает Оригена и его советников; V Вселенский собор во всеуслышание повелевает чтить Синодик как священную книгу.

Участие человека в строительстве и укреплении церкви земной и небесной в интерпретации синодика может иметь и духовное и материальное выражение. Вклад денег или ценного имущества «на помин души» в храм или монастырь с последующей записью в синодик и во вкладную книгу практически гарантировала «спасение» души. Очень ярко об этом рассказывается в «Повести о новгородском посаднике Щиле».

Строительство Щилом церкви во всех подробностях показано в миниатюрах. По некоторым из них читатель может ознакомиться с организацией строительных работ, необходимыми материалами, инструментами и подъёмными устройствами допетровского времени и даже примерно оценить затраты на строительство храма.

О пользе вклада в храм имущества говорится в «Слове о юноше, ковавшем крест Патрикию и приложившем злата 10 золотников». Миниатюры «Слова» любопытны бытовыми подробностями. В нескольких сценах в рамках одного изображения прослеживаются приёмы изготовления золотого напестольного креста. Кстати, в синодичных помянниках нередко встречаются имена серебряников и златокузнецов, даривших храмам и монастырям свои изделия «на помин души».

Поминальные части синодиков свидетельствуют о щедрой заботе благотворителей XVII — начала XVIII вв., об украшении и благосостоянии храмов и обителей. Частная благотворительность в пользу церквей и монастырей была особенно актуальна в России XVII в., пережившей разрушительную Смуту. Во время военных действий в центре страны были разорены десятки городов и селений, разграблены сотни церквей и монастырей. Без участия «добровольных жертвователей» государство и церковь не смогли бы за несколько десятилетий восстановить былое благолепие «святой Руси». Во второй половине XVII в. с ростом благосостояния населения, в первую очередь купеческого сословия, переживавшего расцвет с развитием рыночных отношений внутри страны и активизацией внешней торговли, материально укрепилась и православная церковь. Многие храмы и монастыри, особенно в торговых городах Поволжья и Севера России, были отстроены в камне, возросло число приходских церквей, построенных на мирские деньги, нередко на средства одной купеческой семьи.¹ Бурное храмовое строительство продолжалось вплоть до указов Петра I, обеспечивавших стройматериалами и рабочими в первую очередь новую столицу Санкт-Петербург в ущерб остальной стране.² Благотворительному храмоздательству не помешал даже раскол русской церкви. Возможно, он даже стимулировал проявление личного благочестия отдельных граждан на фоне духовного смятения общества.

Для спасения души важно и покровительство нищим, калекам, сиротам и заключённым. Ибо «дающий нищему — Христу даёт» ((синодик-притча «О пользе милостыни»). Нищие в православии сравнивались с евангельскими «птицами небесными», которые «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6, 26).³ В Московской Руси каждое сословие и учреждение имело своих нищих, о которых должно было заботиться. В письменных источниках упоминаются нищие монастырские, церковные, патриаршие, соборные, кладбищенские, дворцовые, дворовые, богаделенные и другие.⁴ Особую

¹См., например, о благотворительном храмоздательстве ярославской купеческой семьи Скрипиных: 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле. — Ярославль, 2001.

²Павленко, Н. И. Пётр Великий / Н. И. Павленко. — М., 1994. — С. 514—548.

³В оригинальной статье дана неверная ссылка на Мф. 4, 26. — *Ред.*

⁴Полный православный богословский энциклопедический словарь. — Спб., 1912. — Т. 2. — Стлб. 1673—1674.

категорию среди них составляли «Христа ради юродивые», своим асоциальным образом жизни дававшие пример «апостольского» благочестия: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе; мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии. Даже доньше терпим голод и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, как прах, всеми *попираемый* доньше» (1 Коринф. 4, 10—13). В месяцесловах значилось около десятка святых юродивых.¹ При жизни многие юродивые почитались как воплощение общественной справедливости и христианской «правды».

Христианская обязанность милосердия «во спасение души и живота» соблюдалась и в царской семье. Супруга царя Михаила Фёдоровича — Евдокия Лукьяновна Стрешнева, отличавшаяся слабым здоровьем, раздавала нищим десятки рублей милостыни, поила и кормила их в своих хоромах. Юродивому старцу Юшке Артемьеву, лежавшему под переходами на Никольском мосту, купила баранью шубу, а её дочь царевна Ирина подарила праведному «леженке» тёплую шапку.²

Имущие заботились о том, чтобы те, кто в силу особенностей своей жизни (например, монахи) не имел собственного состояния, тем не менее мог и подать милостыню нищим. Та же царица Евдокия Лукьяновна в 1643 г. пожаловала старцу Макарию из калужского Лаврентьева монастыря полтора рубля на шубу и полтину на милостыню.³ Монастыри, пользуясь государственной и частной благотворительностью, сами регулярно раздавали деньги на «прокорм» нищим.

с. 58

Значение милостыни подробно объясняется в текстах синодичных предисловий. Этой теме посвящены притчи «Дающий милостыню нищему — Христу даёт», «О некоем человеке в Константинополе, раздающем на улице милостыню нищим», значительные фрагменты притчи «О бедном Лазаре», «О человеке имящем три друга», «Повести о посаднике Щиле» и другие. В притче «О пользе милостыни» обосновывается и традиция угощения всех на поминках по умершему и раздачи подаяния на церковной паперти. Синодики позволяют подробно рассмотреть способы благотворительной поддержки нуждающихся в разных жизненных ситуациях.

Нищенство как неотъемлемое явление русской жизни было хорошо знакомо иллюстраторам синодиков. Изображения нищих на их миниатюрах разнообразны: странники, юродивые, калеки, дети. Они нарисованы художниками в характерных позах просящих или принимающих милостыню, нередко в лохмотьях. Представляет интерес их «профессиональный инвентарь»: сумы, костыли, тележки для безногих, колодки для отталкивания от земли. В сценах подаяния нередко присутствует сам Христос. В композиции «Подающий нищему — Христу подаёт» Иисус Христос вместе с нищим калекой принимает кусок хлеба.⁴ А в иллюстрации к притче о жителе Константинополя, раздающем на улицах милостыню, человек видит над головой нищего оборванца образ благословляющего Христа.⁵

В милостыне нуждались и тюремные узники. «Повесть о посаднике Щиле», «Притча о некоем юноше, попавшем в плен», «Притча о богатой вдове» и другие тексты формировали сочувственное отношение к заключённым, независимо от причин их заключения. Даже врагу патриарха, обвинённому в еретичестве протопопу Аввакуму стражники подавали еду, а боярыне Морозовой принесли перед смертью чистую рубаху. Встречались на пути страдальцев за старую веру и другие «милостники». Христианский долг для людей, воспитанных в духе православной нравственности, декларируемой в том числе и в предисловиях синодиков, был важнее страха за собственное благополучие.⁶

В миниатюрах, иллюстрирующих «узническую» тему, тюрьмы изображены во всём их разнообразии: остроги, каменные мешки, земляные ямы. Показаны и сцены подаяния заключённым пищи.

¹ Там же. — Стлб. 2394.

² Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. (репринтное издание) / И. Е. Забелин. — М., 2001. — Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. — С. 319—320.

³ Там же. — С. 320.

⁴ См., например: Синодик. 1670 г. // РНБ. Отдел рукописей. Ф. I. 256.

⁵ См., например: Лекарство душевное // РГАДА. Ф. 381. Ед. хр. 274. — Л. 139.

⁶ Пустозерская проза. — М.—СПб., 1989.

Многочисленные иллюстрации в синодиках с изображением нищих и узников вызывают ассоциации не только с христианскими этическими заповедями, но и с проистекающей из них русской народной мудростью, призывающей каждого помнить «о суме и о тюрьме». Актуальный в переломные периоды русской истории, этот завет находил живой отклик у людей «переходного» времени.

В качестве инструмента благотворительности выступает и сам синодик. Большинство известных рукописей являются вкладными в церковь или монастырь и предназначены в первую очередь для увековечения благотворительных поступков вкладчиков. Иногда синодик изготавливали по заказу жертвователя во вновь построенную на его же средства церковь, о чём и сообщали первые листы рукописи.¹ Большинство синодиков, помимо имён поминаемых, содержали в помянниках краткие записи вкладов или указание на «благое деяние», за которые следовало поминать благотворителя и его род в храме. При этом денежный размер вклада не указывался, так как все «доброхотные даяния» в церковь или монастырь были символической «милостыней Христу», для которого «денарий кесаря» и «лепта вдовицы» имели одинаковую цену. Хотя имена вкладчиков перечислялись в синодике в соответствии с их социальной и имущественной иерархией, произнесение их на богослужении общим списком уравнивало всех в преддверии вечного блаженства.

Похожую духовную функцию (кроме чисто хозяйственного назначения учётного документа) в период позднего Средневековья выполняла и вкладная книга. Интересно, что из церковного обихода оба эти вида письменных источников исчезли одновременно (к концу XVIII в.), — косвенное подтверждение изменения официального взгляда на цели и задачи массовой благотворительности, вероятно, под влиянием рационалистических идей Просвещения.²

Источниковедческий и историко-культурный анализ текстов и иллюстраций синодиков показывает, что при переходе от Средневековья к Новому времени в России оформились представления о христианской благотворительности, опирающиеся на традиционные идеи благочестия, укреплению которого содействовали религиозные искания ревнителей «старой» и «новой» веры.³ Эти представления распространились и прочно укоренились как в верхах русского общества, так и у зажиточной части рядового населения, как у «никониан», так и у старообрядцев.

Но уже в конце XVII — начале XVIII вв. порядок русской жизни начал постепенно меняться, происходила рационализация национального сознания. Человек, становясь более практичным, волей-неволей отказывался от сакрализации своих помыслов и действий. Милостыня из «подавания Христу» превращается в материальную помощь конкретному человеку, богоугодному заведению, храму или монастырю. «Милостники Божьи» становятся просто добрыми, жалостливыми людьми.

Эпоха Петра I была отмечена строгими полицейскими мерами против профессиональных нищих. подача милостыни наказывалась штрафом. Частная благотворительность была запрещена по причине её недостаточной обдуманности и организованности.⁴ Власти порой даже конфисковывали из монастырской казны вклады, сделанные немощными и недееспособными жертвователями, и употребляли их на государственные нужды.⁵ В имперской России благотворительность становится прерогативой официальных учреждений и узаконенных благотворительных обществ.

¹ Например: Синодик переславского Никольского монастыря XVII—XVIII в., вложенный строителем монастырского Никольского собора купцом кашашевцем Герасимом Яковлевым Обуховым (Переславль-Залесский музей-заповедник. Инв. № 1272).

² Н. В. Левицкая, Л. Б. С. Вкладные книги переславских Никитского и Троице-Данилова монастырей: источниковедческие аспекты исследования / Л. Б. С. Н. В. Левицкая // История и культура Ростовской земли. 1995. — Ростов, 1996. — С. 132—133.

³ Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Н. Субботина. — М., 1876. — Т. 2. — С. 45—412.

⁴ Павленко, Н. И. Пётр Великий / Н. И. Павленко. — М., 1994. — С. 479.

⁵ Известна история конфискации наследства князя И. П. Бяратинского из переславского Троицкого Данилова монастыря. Изъятые деньги и драгоценности были употреблены на уплату жалованья низовому запорожскому войску и другие надобности. (Смирнов М. И. Переславль Залесский. Исторический очерк 1934 года. Переславль Залесский, 1996. С. 185).

В уничтожении прежней благотворительной традиции приняла участие и синодальная церковь. Во второй половине XVIII в. синодик был исключён из богослужебной практики. В 1766 г. Чин православия заменили более общим текстом и исключили из состава Постной Триоды, а позже и из церковных служб.¹ Обер-прокурор Синода И. И. Мелиссино в своём проекте реформы церковной жизни предлагал «совершенно отменить поминовения усопших».²

Синодик окончательно превратился в четью книгу, используемую в домашнем обиходе имущих слоёв городских и сельских жителей в нравоучительных и воспитательных целях. Декларируемые им правила благотворительности оставались актуальными для социальной среды его читателей ещё на протяжении полутора веков. Эти нормы, базирующиеся на традиционной православной этике, унаследованной от Средневековья, заметно отличались от принципов аристократической и интеллигентской благотворительности, основанных, как правило, на просветительской культурной модели. В купеческих и мещанских семьях продолжали привечать нищих, кормить заключённых и благотворить храмам и монастырям. Этим же традициям обычно придерживалось и небогатое провинциальное дворянство. Крупные купцы и промышленники, особенно из числа староверов, в богослужебной практике которых синодик сохранил свои прежние функции, щедро жертвовали на постройку церквей и богаделен.

Синодик по-прежнему оставался «лекарством душевным», «звездой путеводной» для третьего сословия российского общества. Один из героев шмелевского «Богомолья» и «Лета Господня» мастеровой Горкин берет его с собой для паломничества в Троице-Сергиеву лавру:

Тут стало быть, у меня чай-сахар... — суёт он в мешок коробку из-под икры с выдавленной на крышке рыбкой, — а лимончик уж на ходу прихвачу, да... ножичек, поминанье... — суёт он книжечку с вытесненным на ней золотым крестиком, который я тоже знаю, с раскрашенными картинками, как исходит душа из тела, и как она ходит по мытарствам, а за ней светлый ангел, а внизу, в красных языках пламени, зелёные нечистые духи с вилами, — а это вот, за кого просвирки вынуть, леестрик... всё по череду надо. И всё я знаю в его каморке: и картинку Страшного суда на стенке, с геенной огненной, и «Хождения по мытарствам преподобной Феодоры», и найденный где-то на работах, на сгнившем гробе, медный, литой, очень старинный крест с «адамовой головой» страшной...³

В 1990-е гг. российское общество сделало попытку вернуться к утраченным в советские времена традиционным нормам духовной жизни. В какой-то степени была восстановлена и практика благотворительности, и сейчас мы снова наблюдаем благотворительность: «государственническую» просветительского толка, которую морально и материально поддерживают власть, общественные структуры и либералы-олигархи; и стихийное «милостничество» рядовых граждан и частных предпринимателей с небольшим и средним капиталом, подающих нищим и беспризорникам на улицах и «всем миром» восстанавливающих и строящих новые храмы. Второй тип благотворительности оказался настолько укоренён в национальной ментальности, что его не удалось вытравить никакими революционными чистками сознания. Просветительское же меценатство нуждается в идеологических подпорках в виде плохо приживающейся в России парадигмы гражданского общества. Поэтому и в XXI в. рядовому россиянину проще подать несколько монет профессиональному попрошайке в метро, нежели вложить рубль в какой-нибудь фонд развития науки или поддержки студенческих организаций.⁴

¹ Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895. — С. 62.

² Успенский, Л. А. Богословие иконы русской православной церкви / Л. А. Успенский. — М.: Издательство западно-европейского экзархата, 1989. — С. 362.

³ Шмелев, И. С. Богомолье. Лето Господне / И. С. Шмелев. — М., 1996. — С. 9—10.

⁴ Л. Б. Сукина пишет эти слова по собственному опыту. Она отказывается сотрудничать с ПКИ, тем самым показывая, что ей проще подать монету профессиональному нищему, чем добрый совет — образовательной гражданской инициативе. — *Ред.*

Приложение. Список использованных источников

1. Синодик Масленской Арсеньевой пустыни Вологодской губернии. Около 1633 г. ГИМ. Отдел рукописей. Щук. № 137.
2. Синодик боярина Б. М. Лыкова. 1634—1640 гг. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 178 (Музейное собрание). № 4116.
3. Синодик Ниловой Столбенской пустыни. 1639 г. БРАН (СПб.). Археографическая комиссия 153.
4. Синодик. 1645—1652 гг. РНБ. Отдел рукописей. Q. I. 1152.
5. Синодик. Середина XVII в. РНБ. Отдел рукописей. Q. I. 407.
6. Синодик лицевой. 2 половина XVII в. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 178. № 4462.
7. Синодик лицевой вкладной церковный. 1670 г. РНБ. Отдел рукописей. F. I. 256.
8. Синодик переславского Троицкого Данилова монастыря. 1672 г. ПЗИХАМЗ. Инвентарный № 4288.
9. Синодик лицевой Лихвинского Настасова монастыря. 1673 -1675 гг. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 178. № 8299.
10. Лекарство душевное. 3 четверть XVII в. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 92. № 54.
11. Синодик лицевой подьячего Ф. Н. Палмова. 1683 г. РНБ. Отдел рукописей. F. I. 324.
12. Синодик Калужского Новодевичьего монастыря. 1688 г. РГАДА. Ф. 381. № 274.
13. Синодик. Последняя треть XVII в. РНБ. Отдел рукописей. Тит. 2595.
14. Синодик. Конец XVII в. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 310. № 154.
15. Сказание о посаднике Щиле. XVII в. РНБ. Отдел рукописей. ОЛДП. Q. 134.
16. Синодик переславского Никитского монастыря. Конец XVII в. ПЗИХАМЗ. Инвентарный № 4308.
17. Синодик ростовского Успенского собора. Конец XVII в. ЯРМЗ. P-325.
18. Поминание церкви села Шендоры. Конец XVII в. ЯРМЗ. P-10.
19. Синодик. Конец XVII в.. БРАН (СПб.). Собрание Петра I. 17. 5. 5.
20. Синодик переславского Горицкого монастыря. 1695 г. ПЗИХАМЗ. Инвентарный № 4284.
21. Синодик лицевой рукописный с гравированными виньетками Леонтия Бунина. 1695—1696 гг. РНБ. Отдел рукописей. F. I. 323.
22. Синодик лицевой. 1690—1700 гг. РНБ. Отдел рукописей. F. IV. 200.
23. Синодик лицевой. Конец XVII — начало XVIII в. РНБ. Отдел рукописей. ОЛДП. F. 391.
24. Синодик. Конец XVII — начало XVIII в. РНБ. Отдел рукописей. F. I. 735.
25. Синодик. Конец XVII — начало XVIII в. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 178. № 7277.
26. Синодик. Конец XVII — начало XVIII в. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 178. № 3114.
27. Синодик зарайского Николаевского собора. Конец XVII — начало XVIII в. РГБ. Отдел рукописей. Ф. 310. № 153.
28. Синодик из собрания А. А. Титова. Около 1700 г. РНБ. Отдел рукописей. Тит. 251.
29. Синодик лицевой. Начало XVIII в. ИРЛИ РАН. Дрвлекранилище. Пер. 176.
30. Синодик Сольбинского монастыря Переславского уезда. Начало XVIII в. ПЗИХАМЗ. Инвентарный № 4310.
31. Лекарство душевное. Первая четверть XVIII в. РГАДА. Ф. 181. № 597.
32. Синодик Сольбинского монастыря Переславского уезда. Середина XVIII в. ПЗИХАМЗ. Инвентарный № 4309.

Литература

1. 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле. — Ярославль, 2001.
2. Брюсова, В. Г. Композиция «Новозаветной Троицы» в стенописи Успенского собора (к вопросу о содержании наружных росписей) / В. Г. Брюсова // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. — М., 1985.
3. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. — СПб., 1861. — Т. 1.
4. Дергачёва, И. В. К литературной истории древнерусского синодика XV—XVII вв. / И. В. Дергачёва // Литература Древней Руси. Источниковедение. — Л., 1988.
5. Дергачёва, И. В. Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV—XVII веков (на материале Синодика) / И. В. Дергачёва. — Мюнхен, 1990.
6. Деяния Московских соборов 1666 и 1667 годов. — М., 1893.
7. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. (репринтное издание) / И. Е. Забелин. — М., 2000. — Т. 1, ч. 1: Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.
8. Забелин, И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. (репринтное издание) / И. Е. Забелин. — М., 2001. — Т. 2: Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.
9. Зинон. Икона в литургическом возрождении / Зинон, архимандрит // Памятники отечества. — 1992. — № 2—3.
10. Зотов, Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в Татарское время / Р. В. Зотов. — СПб., 1892.
11. Карташев, А. В. Вселенские соборы / А. В. Карташев. — М., 1994.
12. Ключевский, В. О. Древнерусские жития как исторический источник / В. О. Ключевский. — М., 1871.
13. Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Н. Субботина. — М., 1876. — Т. 2.
14. Н. В. Левицкая, Л. Б. С. Вкладные книги переславских Никитского и Троице-Данилова монастырей: источниковедческие аспекты исследования / Л. Б. С. Н. В. Левицкая // История и культура Ростовской земли. 1995. — Ростов, 1996.
15. Олсуфьев, Ю. А. Описание лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой лавры / Ю. А. Олсуфьев. — Сергиев Посад, 1921.
16. Павленко, Н. И. Пётр Великий / Н. И. Павленко. — М., 1994.
17. Памятники старинной русской литературы / Под ред. Н. И. Костомарова. — СПб., 1860. — Вып. 1.
18. Петухов, Е. В. Очерки из литературной истории Синодика / Е. В. Петухов. — СПб., 1895.
19. Полное собрание русских летописей. — Л., 1926. — Т. 1: Лаврентьевская летопись.
20. Полный православный богословский энциклопедический словарь. — СПб., 1912. — Т. 1.
21. Полный православный богословский энциклопедический словарь. — СПб., 1912. — Т. 2.
22. Понырко, Н. В. Синодик / Н. В. Понырко // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Л., 1989. — Вып. 2, ч. 2.
23. Пустозерская проза. — М.—СПб., 1989.
24. Сукина, Л. Б. К вопросу о методах работы древнерусских миниатюристов XVII века / Л. Б. Сукина // Из творческого опыта русского искусства XVII—XX веков. — СПб., 1994.
25. Сукина, Л. Б. Очерковые миниатюры русских рукописных Апокалипсисов и Синодиков второй половины XVII века: Автореферат диссертации кандидата культурологии / Л. Б. Сукина. — М., 1998.
26. Титов, А. А. Повесть о Щиле (Новгородское сказание) / А. А. Титов. — М., 1911.
27. Успенский, А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII века / А. И. Успенский // Записки Московского Археологического института. — М., 1914. — Т. 32.
28. Успенский, Л. А. Богословие иконы русской православной церкви / Л. А. Успенский. — М.: Издательство западно-европейского экзархата, 1989.
29. Чёрная, Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени / Л. А. Чёрная. — М., 1999.
30. Шмелев, И. С. Богомолье. Лето Господне / И. С. Шмелев. — М., 1996.